

F. Schneider. Mikloucho-Maclay und die heroische Ethnologie. Die Neuguinea-Tagebücher. Heusweiler, 1997. 127 с. 9 л. илл.

Процесс идеализации и мифологизации образа Н.Н. Миклухо-Маклая, начавшийся еще при жизни ученого, не мог не отразиться на обширной литературе, рассказывающей о его жизненном пути и научном наследии. В России уже в конце XIX – начале XX в. в научно-популярных книгах и статьях он изображался едва ли не былинным героем и в то же время мучеником науки, который бесстрашно отправился к людям каменного века и, претерпев невообразимые опасности и лишения, сблизился и подружился с «дикарями», стал их добрым наставником и заступником перед европейцами. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в советские годы, когда как в академических исследованиях, так и в популярных работах, граничащих с художественной литературой, наряду с некоторым преувеличением научных заслуг Миклухо-Маклая упор обычно делался на его передовые общественно-политические взгляды, идейную близость с Н.Г. Чернышевским, решительную и бескомпромиссную борьбу со всеми видами колониализма и расизма. Сходная тенденция, хоть и не в столь выраженной форме, проявилась в послевоенный период в трудах о Миклухо-Маклае, опубликованных в Германии (ГДР и ФРГ), Австралии и Папуа – Новой Гвинее.

Идеализация и мифологизация образа Миклухо-Маклая не могла со временем не вызвать ответной реакции. В роли «разрушителя мифа» выступила австралийская писательница Э. Уэбстер, которая в 1984 г. выпустила научно-популярную книгу о русском ученом¹. Однако Э. Уэбстер не только попыталась «соскрести позолоту» с образа Миклухо-Маклая, но и в какой-то мере впала в другую крайность, принизив значение его научных трудов, изобразив зачастую в ложном свете его борьбу в защиту человеческих прав папуасов и других океанийцев и даже объявив его носителем колониалистской идеологии. А географ и политолог О. Спейт в предисловии к ее книге назвал Миклухо-Маклая «неудавшимся раджей Бруком», т.е. уподобил его английскому авантюристу Дж. Бруку, ставшему в середине XIX в. наследственным правителем Саравака.

Но книга Э. Уэбстер не стала на Западе последним словом в оценке деятельности нашего выдающегося соотечественника. В 1991 г. известный американский специалист в области истории науки Дж. Стокинг опубликовал большую статью, в которой предложил более сбалансированную оценку Миклухо-Маклая как ученого и общественного деятеля, как одного из зачинателей современной этнологии².

Рецензируемая книга, принадлежащая перу немецкого этнолога Фридрихи Шнайдер, – еще одна попытка заглянуть в творческую лабораторию Миклухо-Маклая, определить его место в истории науки. Источниковую базу книги едва ли можно признать достаточно широкой. Она состоит из работ немецких и австралийских авторов о Миклухо-Маклае, в том числе книги Э. Уэбстер, трудов по истории этнологии и теоретическим проблемам этой научной дисциплины, сочинений некоторых современных русскому ученому философов и натуралистов, отдельных статей самого Миклухо-Маклая, напечатанных при его жизни в немецких и австралийских журналах, его переписки с зоологом А. Дорном, опубликованной немецкой исследовательницей И. Мюллер³, и, наконец, новогвинейских дневников Миклухо-Маклая в английском переводе, выполненном австралийцем Ч. Сентинеллой⁴. Не владея русским языком, Ф. Шнайдер не смогла использовать работы российских маклаеведов. Собрание сочинений Миклухо-Маклая, выпущенное в 1950–1954 гг., цитируется ею по научно-популярной книге, изданной в ГДР, а новое академическое Собрание его сочинений, завершаемое в настоящее время Институтом этнологии и антропологии РАН, привлечено лишь как источник иллюстраций. Впрочем, сама Ф. Шнайдер не ставила перед собой задачи открыть нечто новое о Миклухо-Маклае, а стремилась интерпретировать уже известные факты, задумав эту книгу прежде всего как пособие для немецких студентов-этнологов.

Через всю книгу проходит сопоставление Миклухо-Маклая с классиком английской этнологии Б. Малиновским, который в 1915–1918 гг., т.е. через четыре десятилетия после русского ученого, проводил исследования в том же регионе, а именно на Тробрианских о-вах, расположенных у восточной оконечности Новой Гвинеи. Но, как подчеркивает Ф. Шнайдер, Миклухо-Маклай, этот «пионер стационарных полевых исследований», действовал на северо-восточном побережье Новой Гвинеи в гораздо более трудных условиях и проводил более «чистый» эксперимент: он был там первым европейцем, тогда как тробрианцы при Малиновском уже находились в контакте с европейскими торговцами и миссионерами (с. 1, 88, 89). Подобно Малиновскому, Миклухо-Маклай сумел собрать огромный и в целом достоверный фактический материал об изучаемом населении, но в отличие от своего знаменитого последователя не смог выработать сколько-нибудь стройной методики полевых исследований и теоретического подхода к индигенным культурам, хотя

начатки того и другого Ф. Шнайдер находит в некоторых его высказываниях (с. 3, 43, 44, 101). Более того, по ее мнению, если бы не многолетняя оторванность Миклухо-Маклая от европейского научного сообщества, фактически исключавшая его интеллектуальное взаимодействие с коллегами и ознакомление с новинками этнологической литературы, русский ученый смог бы значительно продвинуться вперед по пути формулирования идей и принципов, позднее провозглашенных и развитых Малиновским (с. 106–107, 110).

Сам Малиновский в дневнике, который он вел на Тробрианских о-вах, назвал Миклухо-Маклая исследователем «нового типа»⁵. Но, как считает Ф. Шнайдер, русский ученый скорее олицетворял переход от «старой» этнологии, характеризующейся господством эволюционизма и позитивистского сциентизма, к «новой», модернистской этнологии начала XX в., одним из основоположников которой стал Малиновский (с. 2, 3).

Методологические принципы «старой» этнологии во многом определяли, по словам Ф. Шнайдер, проблематику исследований Миклухо-Маклая. Радикальный сциентизм требовал изучения лишь «непосредственно видимого и поддающегося измерению». Именно поэтому, а не вследствие недостаточного знания местного языка Миклухо-Маклай, как утверждает автор рецензируемой книги, почти не интересовался религией папуасов. Ф. Шнайдер даже рискнула предположить, что отношение ученого к изучению религии не изменилось бы, проводи он полевые исследования в русской деревне (с. 103–105).

В данном случае автора книги подвело недостаточное знакомство с трудами Миклухо-Маклая. В статье «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» ученый писал: «Я мог бы на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их мирозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями, правдоподобными догадками и комбинациями (...) Такой образ действий, однако, мне противен (...) Ведь все догадки и привнесенные теории придают слишком субъективную окраску действительным наблюдениям и тем уменьшают ценность последних и затушевывают пробелы, которые должны служить как раз задачами дальнейших наблюдений для последующих исследователей»⁶. И все же ученый, при всей его осторожности и научной добросовестности, сумел сделать немало интересных наблюдений над религиозными верованиями и обрядами папуасов и других океанийцев⁷.

Миклухо-Маклай был одним из последних в истории мировой науки известных натуралистов широкого профиля, который не только поставил в центр своих исследований человека и проявления его культуры в рамках географической среды, но и активно работал в отраслях естествознания, непосредственно не связанных с этой проблематикой (океанография, метеорология и др.). Ф. Шнайдер оправдывает чрезвычайно широкий диапазон научных интересов Миклухо-Маклая. Этот феномен она объясняет не только особенностями полученного им образования (зоологического, а точнее медико-биологического), но и воспринятым им позитивистским мировоззрением, предполагающим существование естественнонаучных закономерностей в развитии природы и общества, а также рассмотрение всего органического мира с точки зрения эволюционной теории. Кроме того, как считает Ф. Шнайдер, на молодого Миклухо-Маклая, несомненно, повлиял пример многих его коллег, которые, будучи врачами, анатомами или зоологами, активно участвовали в становлении этнологии как особой научной дисциплины. Шнайдер подчеркивает, что привычная нам специализация еще не была тогда общепринятой или желательной и широкий разброс научных интересов обычно не воспринимался как проявление поверхностности соответствующего исследователя, не вредил его репутации (с. 11, 87, 107). Нужно, однако, признать, что увлечение Миклухо-Маклая зоологическими изысканиями в годы его жизни в Австралии явилось одним из важнейших факторов, помешавших ученому создать до своей безвременной кончины крупные труды по этнографии и антропологии и завершить подготовку к печати дневников своих экспедиций.

Кстати, именно дневники двух первых экспедиций ученого на Берег Маклая находятся в центре внимания автора рецензируемой книги. Ф. Шнайдер подвергает их эпистемологическому анализу в духе современной американской интерпретативной антропологии. При этом ее интересуют прежде всего текстостроительные приемы или, если использовать термин, предложенный основателем интерпретативной антропологии К. Гирцем, «нарративная стратегия» Миклухо-Маклая, ибо от метода подачи материала, способа научного разговора с будущими читателями («дискурсивной практики») во многом зависит содержание и убедительность соответствующей информации⁸. Ф. Шнайдер отмечает, в частности, романтический налет, который порою проявляется в дневниках, отдельные лирические отступления, введение личных чувств в этнографические описания, определенное возвеличивание своего «Я», придающее достоверность рассказу, скрытый диалог с воображаемыми читателями, учет возможных особенностей читательского

восприятия и т.д. (с. 20, 22, 25, 28, 42, 69, 91, 102, 103, 110). Анализ текста дневников позволил также сделать интересные (но зачастую отнюдь не новые для маклаеведов) наблюдения относительно личности Миклухо-Маклая. Ф. Шнайдер отмечает его мужество, такт и терпение, склонность к аскетизму и стоицизму, умение приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, находить единственно верный выход из затруднительного положения, наконец, несомненные актерские способности и изобретательность, которые помогали ученому поддерживать у папуасов представление о его сверхъестественном происхождении (с. 22, 26, 33, 50–52, 68, 69, 90). Последнее обеспечивало ему относительную безопасность и непрерываемый авторитет, а значит, и более благоприятные условия для научных исследований⁹.

Ф. Шнайдер критикует ученого с позиций феминистской антропологии за трактовку в его дневниках положения женщины и отношений между полами на Берегу Маклая, считая, что в этом вопросе он выступает как «отпрыск буржуазного общества», перенесший воззрения и ценности этого общества на папуасов Новой Гвинеи (с. 71). Автору рецензируемой книги не нравятся дневниковые записи о том, что женщины находятся в подчиненном положении, меньше заботятся о своей внешности и меньше украшают себя, чем мужчины, что женские пляски примитивнее мужских и т.д. (с. 76–80). Думается, однако, что дело здесь едва ли в «андроцентризме» (с. 73) Миклухо-Маклая: ученый довольно точно отразил реальную картину. Последующие исследователи, в том числе те, кто принадлежал к прекрасному полу, зафиксировали сходную ситуацию как на северо-восточном побережье, так и во многих других районах Папуа–Новой Гвинеи¹⁰.

Неотъемлемый компонент критического анализа этнографического текста – рассмотрение его чисто литературных особенностей, авторского стиля, поскольку они тоже влияют на содержание и убедительность заключенной в тексте научной информации. Ф. Шнайдер проявила разумную осторожность в этом вопросе, так как изучала не оригинал, а перевод дневников на английский язык. Между тем рассмотрение под таким углом зрения оригинала сулит немало интересного. Литературные аспекты новогвинейских дневников Миклухо-Маклая – одной из драгоценных жемчужин европейской литературы путешествий – еще ждут своего исследователя.

Как сообщает Ф. Шнайдер читателям, русский ученый настолько идентифицировал себя с обитателями Берега Маклая, что пытался любой ценой предотвратить европейскую колонизацию «своего» Берега и всей Новой Гвинеи (с. 92). Но она кратко и неточно освещает эту сторону деятельности Миклухо-Маклая. Так, утопический «Проект развития Берега Маклая» ученый разработал не в 1883 г. (с. 127), а двумя годами раньше, и предусматривал он не «русский протекторат» (с. 113), а создание папуасского государства в Северо-Восточной Новой Гвинее¹¹.

Документально установлено, что дед и прадед Миклухо-Маклая по отцовской линии, как и сам отец, носили фамилию Миклуха. Будущий ученый в детстве и юности тоже именовался Миклухой. Однако с 1867 г. он стал подписывать свои письма и статьи двойной фамилией, под которой и вошел в историю науки. Чем был вызван этот шаг и откуда взялась вторая часть? На протяжении XX в. родственники и биографы ученого тщетно пытались ответить на эти вопросы. Выдвинутые ими гипотезы недостаточно убедительны и к тому же противоречат друг другу. Ф. Шнайдер решила принять участие в поисках ответа и предложила свою версию. Она отмечает, что тогда «были в моде Шотландия и двойные фамилии». По ее мнению, антропоним «Маклай» восходит к гальскому Mac an Leigh (сын врача). Шнайдер видит в этом «деликатный намек» на деда ученого по линии матери С. Беккера (немца по происхождению), который был врачом (с. 5). Представляется, однако, что и с появлением этой гипотезы проблема не может считаться решенной.

Книга Ф. Шнайдер, привлекающая внимание своим подчеркнутым проблемным характером, свидетельствует о том, что у наших западных коллег не угас интерес к трудам и личности Миклухо-Маклая. Эта книга, как и работы Э. Уэбстер и Дж. Стокинга, заставляет также задуматься о необходимости создания фундаментальной монографии о Миклухо-Маклае, основанной на использовании максимально широкого круга источников, прежде всего материалов российских и зарубежных архивов. Образ выдающегося ученого и путешественника, патриота своей страны должен быть воссоздан во всей его сложности, полноте и доподлинности, без шарахания из крайности в крайность, притом на широком историческом фоне. Такая монография особенно актуальна в связи с тем, что в нашей стране, где в последние годы появилась мода на «перемену знака» при оценке многих персонажей отечественной истории, у отдельных ученых возникло искушение радикально пересмотреть без достаточных на то оснований представления о жизни и деятельности «белого папуаса»¹².

Примечания

- ¹ Webster E. The Moon Man. A Biography of Nikolai Miklouho-Maclay. Carlton, Vict., 1984.
- ² Stocking G.W. Maclay, Kubary, Malinowski. Archetypes from the Dreamtime of Anthropology // Colonial Situations. Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge. Madison, 1991. P. 9–74.
- ³ Nikolai Nikolajewitsch Miklouho-Maclay. Briefwechsel mit Anton Dohrn / Hrsg. von Irmgard Müller. Norderstedt, 1980.
- ⁴ Miklouho-Maclay: New Guinea Diaries 1871–1883 / Translated from the Russian with Biographical Comments by C.L. Sentinella. Madang, 1975.
- ⁵ Malinowski B. A Diary in the Strict Sense of the Term. L., 1967. P. 155.
- ⁶ Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 3. М., 1993. С. 61–62.
- ⁷ См. об этом: Бутинова М.С. Материалы Н.Н. Миклухо-Маклая о религии народов Океании и их значение для современного религиоведения // Сов. этнография. 1971. № 6. С. 54–66.
- ⁸ Geertz K. Works and Lives: the Anthropologist as Author. Stanford, 1988; Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. / Eds J. Clifford, G. Marcus. Berkeley, 1986; Constructing Knowledge: Authority and Critique in Social Science. / Eds. L. Nencel, P. Pels. Trowbridge, 1991.
- ⁹ Тумаркин Д.Д. «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа – Новой Гвинее // Этнограф. обозрение. 1997. № 1. С. 159–160.
- ¹⁰ См., например: Thurnwald H. Woman's Status in Buin Society // Oceania. 1934. V. 5. № 2. P. 169–170; Meggitt M.J. Male-Female Relationships in the Highlands of Australian New Guinea // Amer. Anthropol. 1964. V. 66. № 4. Pt. 2. P. 204–224; Ray M. Women in Transitional Society // New Guinea on the Threshold. Canberra, 1966. P. 166–167, 171; Mogaia L. Beyond the Village. Local Politics in Madang, Papua New Guinea. Canberra, 1974. P.134; Фальк-Рёнке А. Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. М., 1985. С. 142, 181.
- ¹¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 5. М., 1966. С. 261–266.
- ¹² См., например: Носков В.В. Миклухо-Маклай и морское ведомство России // Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура. СПб., 1994. С. 22–26.

Д.Д. Тумаркин